

Горюнов Геннадий Михайлович

Дата и место рождения: 19 сентября 1954 года, рабочий поселок Яя Кемеровской области

Житие мое... : Автобиография

Родился я в 1954 году 19 сентября, в крестьянской семье, в поселке Яя. Хотя записан в п. Тяжин. Жили мы тогда в селе Прокопьево Тяжинского района.

Я был первым и единственным ребенком у своей матери. У отца была дочь от первого брака.

Родители мои - потомственные крестьяне. Приехали они, вернее их родители, на поиски свободной земли в конце XIX века в Сибирь...

Материны родители - дед Андрей, белорус и бабушка Зинаида, украинка - были середняки, имели 6 детей, «3 дочки и 3 сына».

Моя мама 1923 года рождения была предпоследней.

Историю семьи отца, можно упустить, я ее довольно подробно описал в поэме «Корни мои».

Отец, Горюнов Михаил Алексеевич, был личностью весьма неординарной. Родился он в ноябре 1927 года. Когда мой дед, Алексей Григорьевич, ушел на фронт, то передал свой трактор сыну, который к тому времени закончил 7 классов.

Отец всю войну работал как настоящий мужик, а его мать - моя бабушка - Юлия Ивановна, была у него прицепщицей. Больше у них в семье никого не было. Поэтому жили довольно сносно.

Дед на войне уцелел, но домой не вернулся, остался после госпиталя в г. Ижевске, где лечился...

Отец на фронт «не успел». Когда его взяли (призвали) в армию, то направили в оперативную школу НКВД. А оттуда, по каким причинам - не знаю, он попал прямо в тюрьму... После смерти Сталина вышел по амнистии. Вскоре женился на моей матери (уже второй раз), поскольку первый раз жениться успел еще до тюрьмы.

Моя мать всю войну работала на разных работах: в колхозе, на лесозаготовках, на заводе и даже некоторое время охраняла нефтебазу.

Когда вернулась в конце войны в деревню, то отца в живых уже не было. Мать тоже вскоре умерла.

Так как всех женихов побило на войне, замуж выйти долго не удавалось, пока не встретила отца. Он был парень видный и очень ловкий (сказалась лагерная закалка).

...Итак, наша семья жила в селе Прокопьево. Отец, мать, баба Юля работали в колхозе. Я оставался под присмотром своего дяди Петра, материнного брата. Он вернулся с фронта без ноги, поэтому освоил ремесло сапожника, а ночами еще сторожил колхозное сельпо.

Вскоре отца снова посадили. Он самовольно хотел заправить трактор. Сторожиха не дала, и он надел ведро с соляжкой ей прямо на голову.

...После возвращения работать в колхозе не стал. И поехали мы искать счастья, побывали в разных местах. Остановились в г. Киселевске, где жил мамин брат Николай.

Вскоре отца опять посадили, уже не помню за что, но просидел он недолго...

Отношения между моими родителями назвать хорошими никак нельзя. Он, ирод, поколачивал уже с самого начала свою беззащитную сожительницу (расписаны они не были).

А после каждой отсидки делался все хуже... Наконец, в 1960 г. наша и без того непрочная семья развалилась. Мать уехала к сестре в Анжерку, бабушка - в Тяжин. Отец, оставшись один, помотался - помотался и тоже приехал в Анжерку. Правда, ненадолго. После очередного скандала он пропал на три года. Потом появился, в «зековской» одежде на несколько дней и сгинул, уже навсегда. Мать попыталась его найти с целью получения алиментов, и нашла. В 1972 году ей принесли сообщение из

«органов», что такой то задержан в г. Фергане уже под другой фамилией. И квалифицирован как аферист - рецидивист.

Впоследствии доходили слухи, что он, якобы, подделав документы налогового агента, «промышлял» по финансовой части. Об отце все!!!

И так, мы жили с матерью у тети Маруси в поселке Мишиха. Это в 3 или 4 километрах от Анжерки. У тетушки было к тому времени 5 детей, три дочки (одна умерла) и два сына. С одной из них, Верой, я потом учился, сидели за одной партой. Ох, и хохотушка была (дай ей Бог здоровья).

В 1961 году я пошел в школу. Школа на Мишихе была четырехлетняя - большой пятистенный дом. В одной половине была непосредственно школа, в другой, меньшей, жила наша учительница с сыном. Звали ее Анфиса Филипповна... Вообще то, сначала их было двое, и в первом классе меня учила другая, Александра Николаевна.

Мы с мамой к тому времени жили рядом со школой в двухкомнатном доме. Наше жилье состояло из кухни и довольно просторной комнаты. В общем, Александра Николаевна была маминой квартиранткой. Жила с нами, и как могла, помогала меня воспитывать, порой, довольно жестко...

Но через год она уехала и во втором, третьем и четвертом классе меня учила Анфиса Филипповна. А ее сын Валя, хоть и был годом старше, был моим одноклассником.

Золотое время! Нас. Учеников в школе было полтора - два десятка, в иные годы чуть больше. Учились в одну смену, все вместе в одной комнате.

Учился я хорошо, по всем предметам круглые четверки. С 1961 по 1965 годы - лучшие годы моей жизни.

Все коллизии начались в 1965. Во - первых, появился отчим, будь он не ладен. Во-вторых, пришлось учиться в городе и ходить в школу пешком в любую погоду.

Мать с отчимом жили в Анжерке, она уже несколько лет работала продавцом. Сначала на Мишихе, потом в городе. Я остался жить у тетушки. Ее семья и без того большая, родилась еще одна дочка, принимала меня как родного. Муж тети, дядя Коля, был очень работящий, хотя и небольшого роста. Он умудрился построить новый дом, держал скотину, работал на заводе, неплохо зарабатывал и семья не бедствовала.

Мать к осени 1966 вернулась на Мишиху, пытаясь освободиться от пьяницы - сожителя, но он притащился следом.

На работе он «не держался», никак не мог доработать до отпуска. Всею виной «зеленый змий». И все-таки, надо отдать ему должное, он был далеко неглупый человек: много лет занимался спортом, гимнастикой, работал учителем физкультуры.

Первое время учеба в новой школе давалась тяжело. Все было новое: кабинетная система, большие классы по 30-35 человек. А главное, отношение к нам, деревенским со стороны, как одноклассников, так и некоторых учителей. Однако, положение дел постепенно выправлялось. Кое в чем (в математике) помогал отчим. Что касается истории и географии, то равных мне в классе по этим предметам не было.

Еще в начальной школе я прочитал всю историю, что преподавалась в средней школе. Знал почти все столицы в мире. Закрывая глаза, представлял политическую карту мира. Мог легко найти любую реку, озеро, гору...

У отчима была довольно неплохая библиотека. И в пятом классе я прочитал не только «Тараса Бульбу», но и «Войну и мир». В общем, относительно наук гуманитарных был «относительный» порядок, хорошо писал сочинения. Математика, физика чуть хуже, но тоже четверки. Были проблемы с немецким, может, играла роль ненависть к фашистам...

Наконец, о поэзии! Когда я жил у тети Маруси, ее дочка Нина (вторая по старшинству, на четыре года старше меня) читала нам, малышам, еще не умеющим это делать сказки, рассказы, вообще все, что сама учила в школе. Мне было шесть лет, первые стихотворения Пушкина я услышал из уст сестры. И сразу влюбился в этого поэта, потом оказалось, что навсегда...

Рифмовать я пытался уже в третьем классе. В восьмом, когда мне было четырнадцать, под воздействием песни В. Высоцкого «Про Нечисть», я «создал» свое, так называемое, «произведение». Сейчас, по прошествии стольких лет, мне, конечно, должно быть стыдно за него, нет не за «технику исполнения», хотя и она, конечно, была не на высоте... Стыдно за похабщину и матерщину, посредством которой я пытался утвердиться...

Однако, успех был полный, друг, который был старше меня на три года, переписал мой опус и выдал за свой. Он учился в медучилище и посредством моем «бьяки», стал популярным среди сокурсников.

Но это, как говорится, начало, пусть не очень пристойное, но в какой-то мере успешное. А первое серьезное стихотворение я написал в канун своего семнадцатилетия. Посвященное любимой девушке, оно, увы, не сохранилось.

Жизнь шла своим чередом. Закончив восемь классов, я перешел в другую школу, прежняя была восьмилеткой.

В школе №11 я проучился не больше недели. Решил, что пора самому зарабатывать свой кусок хлеба, а не тянуть последние жилы из матери. Она и так замучилась с пьяницей-отчимом, а тут еще сынок с возрастающими потребностями...

В общем, в пятнадцать лет я встал на полное гособеспечение, поступив в ПТУ.

Семье нашей стало легче, к тому же мы вырастили телочку, ставшую коровой.

Она давала молоко, которое повлияло на мой рост. За два года перед армией я довольно заметно вырос.

В 1971 году, окончив училище, я пошел работать слесарем на завод. Так что к армии был уже довольно подготовленным.

На работе крутил гайки, дома косил сено, копал землю. Играл в футбол, хоккей, дружил с девушкой...

И вот осень 1972 года, повестка на расчет, прощание, слезы и т.п. Обритый наголо, я качусь в эшелоне, набитом новобранцами, на восток. Хабаровск нас распределили по частям. Я попал в г. Бикин, в танковую учебку. Учился на механика-водителя тяжелого танка.

Ну что сказать, было сначала трудновато, особенно городским маменькиным сынкам. Нам, рабочим парням, заметно легче. В армии пригodiлось то, что дома я с детства не был белоручкой, в шестнадцать лет косил уже наравне с мужиками. Каждый день ходил пешком, сначала в школу, потом на работу не менее 8 километров по бурану и морозу.

И вот, приняв присягу, заступил первый раз в караул по охране складов. Врать не буду, первый раз было страшновато. В то время положение на советско-китайской границе было напряженное. А тут еще день рождения Мао Цзе Дуна. А граница, вот она, рядом. Видно как шарят прожектора. Посмотрите на карту, где он Бикин, маленький городишко на самом юге Хабаровского края.

...Можно сказать, первое «полубоевое» крещение позади. Пошла боевая учеба, караулы, вождение, строевая, наряды и т. п. Где уж тут до стихов? Письмо домой бы успеть написать.

Как ни тянулась зима, но перешла в весну. Экзамены по всем видам подготовки.

И вот я новоиспеченный механик – водитель третьего класса, отличник боевой и политической, воин-спортсмен, потерявший за полгода пол пуда веса (кормежка в Бакине была не ахти...), еду снова в Хабаровск на постоянное место службы. С новыми надеждами и планами. Первое стихотворение, написанное в армии, лежит в кармане гимнастерки.

И так, Хабаровск, Красная речка. Из окна казармы виден остров Большой Уссурийский. До границы рукой подать.

Привели в парк, танки стоят под открытым небом, под брезентом. Принял машину. Попал я во взвод боевой готовности. Четыре машины с экипажами. В экипаже вместо четырех человек, трое : командир, механик-водитель, наводчик. В случае тревоги на место заряжающего садится свободный офицер. Чтобы описать все, что произошло за полтора года, не хватит ни терпения, ни бумаги. Некоторые основные моменты отметить, конечно же, стоит.

Ну, во-первых, экипаж. Командир, сержант Валера Рожнов, из Уссурийска, прослужил на полгода больше, чем я. Наводчик, Алдаберген Аман из Казахстана. С моего призыва.

Первая тревога. Прибежали в парк, принесли аккумуляторы (вес каждого за 50 кг, точно не помню) из аккумуляторной. Завели машины. Рассвело, поехали в сторону границы, не доехали до места. Приказ вернуться, вернулись в парк. Танк – кусок грязи. Неделю приводили машину в порядок. И так почти до дембеля. Летом 1974 года приказ: ставить машины на консервацию. Что и было с успехом выполнено.

Еще были поездки на полигон, где у нас были учебные танки, боевые не трогали. Вождение стрельбы, ремонт в полевых условиях.

Еще нас посылали на границу. Копали там землю. Строили оборонительные сооружения. Отношения с Китаем были на грани... Но замполиты подбадривал, и мы, молодые дурачки, даже мечтали немножечко повоевать, чтобы дома было чем похвалиться.

В мае 1974 –го Валера Рожнов ушел на дембель. Командиром танка стал пришедший из учебки Витя Пискарев. Наводчика тоже нового дали, был такой Щукин, не экипаж – аквариум.

И еще один момент, вот сейчас много разговоров о дедовщине. У нас она была тоже, но не в таких диких формах. Просто первогодкам приходилось меньше отдыхать. О побоях не было и речи, за

каждой царапиной или, не дай бог, синяком следил специальный человек, старший лейтенант, носивший на петлицах эмблемы юстиции.

Ну что еще о службе, конечно, были стихи. Одно «Парад» в сильно измененном, правда, виде сохранилось. Оно было навеяно участием в параде. В ноябре 1973 нас посадили в грузовики, прицепили к ним пушки, дали в руки автоматы. И так мы проезжая мимо главной трибуны напротив штаба округа по команде, повернув голову, положили руки на автоматы. Вот и все...

Стихотворение, как мне тогда показалось, получилось гениальным. Я даже хотел послать его в окружную газету, но замполит категорически отсоветовал, найдя в моем опусе нечто «крамольное». Вот эти злосчастные строки:

...Здесь внуки тех, что пали жертвой,
Застыв в отчаянье немом,
От вражьей пули в сорок первом
И от своей в тридцать восьмом...

«В общем, ничего страшного, только такие стихи будешь писать на гражданке»,- сказал замполит.

А дембель вот он, рядом, рукой подать! В самом конце сентября выходит приказ. Мне вешают лычки и командируют в распоряжение начальника строевой части. Капитан Лобковский, однажды, увидя меня на КВНе и послушав там мною сочиненное, прям - таки «влюбился» в мои озорные стишки. И при первом удобном случае взял меня к себе в штаб, а услышав мой юношеский скабресный «шедевр» на тему сказок Высоцкого, пришел в восторг... И заставлял много раз повторять, как мне казалось, набившее оскомину. Свои стихи о любви ему читать я почему то стеснялся.

...И вот, наконец, все дембеля отправлены. Младший сержант Горюнов, как тень бродит по казарме, в мыслях давно уже дома... Все, что творится вокруг, его не касается, он «гражданский человек». Наконец, прощание с сослуживцами, аэропорт, самолет, Новосибирск и, наконец, Анжерка.

С поезда сошел ранним утром. Самый конец ноября, темнотища, буран. Переходя через железнодорожный мост, упал, сильно ударился, сразу пропало настроение. Шел пешком по центру города. Кругом никого. Город за два года несколько не изменился. Что говорить о Мишихе. Полнейшее запустение, школу закрыли, правда, магазин еще работал...

Первое впечатление о встрече с родными быстро развеялось. И душу охватила тоска. Не знаю, почему, но именно тоска. Приятелей позабিরали в армию, девчонка, с которой дружил до армии, оказалась не моей. Благо был у меня единственный, как потом оказалось, друг. Евгений Павлов, муж моей двоюродной сестры Нины. Он был на шесть лет старше меня. И в детстве меня по-своему опекал. И в армию провожал, и на вокзале мы с ним даже поменялись брюками. Он тоже баловался стишатами и не только. Пробовал писать рассказы, и даже куда-то посылал. Но, главное, он был великий организатор и великолепный. Не побоюсь этого слова, рассказчик. В детстве, когда мы уходили с ночевкой на речку Китат, он мог часами рассказывать, порой на ходу сочиняя всякие фантастические страшные истории. При встрече мы обнялись, и никогда больше не расставались надолго. Позже, когда я учился в Новосибирске и приезжал домой погостить, мы, будучи на охоте, написали вместе стихотворение. Оно вошло в один из моих сборников. И позже стало песней, которую написал и исполнил анжерский композитор Павел Галковский «Последний бой офицерского полка».

Жизнь шла своим чередом. Я снова пошел работать на завод. Чтоб заработать побольше, переквалифицировался в штамповщики, потом во фрезеровщики.

Пока я служил, сестра моей подружки успела вырасти, и при первой же встрече с ней, я «безоговорочно влюбился» в эту совсем еще девчонку-девятиклассницу. Наши встречи напоминали игру детсадовцев, дальше невинных поцелуев дело не шло, да и не могло зайти. Мы оба учились, в сентябре 1975 пошли в десятый класс. Она в обычную школу, я-в вечернюю. Встречались раз в неделю, их семья переехала в Анжерку, я остался на Мишихе. Но вскоре последовала размолвка, и мы расстались, как потом оказалось, навсегда. Она уехала учиться в Томск. Я – в Новосибирск. Спустя несколько лет, встретились, но оказалось, что разбитое склеить уже невозможно. Впоследствии я написал о нашей встрече стих.

И так, я пошел сразу в десятый. Что делать в девятом, когда я в нем и так проучился целую неделю, но, это никак не сказалось на моей успеваемости. То, что учили в школе по литературе, истории и географии, я давно освоил самостоятельно.

Мне нужен был аттестат о среднем образовании. Я мечтал поступить в пединститут. Моя душа разрывалась между истфаком и филфаком, но судьба рассудила иначе. И так, я работал и учился, как мне казалось, довольно успешно двигался к цели.

Отчим умер, замерз по пьянке, и мы остались с мамой. В январе 1977 года завод мне дал турпутевку. Я побывал сразу в двух странах: Румынии и Венгрии. «Открыл» кроме «окна в Европу» еще и столицу нашей Родины. Впрочем, она мне сразу не понравилась. По сравнению с Бухарестом и Будапештом, она мне показалась неким угрюмым монстром. Путешествие нашей группы кузбассовцев началось в Кишиневе, где мы сели на автобус и потом проехали через Румынию в Венгрию до Будапешта и обратно.

Была масса впечатлений, поразила разница между Анжеркой и, скажем, Брашовом или Дебреценом. Да что там говорить!

В конце весны 1977 года к нам на Мишиху приехали лесостроители из Ленинграда. Их поселили через дом от меня в домике лесника. Ребята были общительные и я быстро подружился с соседями. Двое из них, Игорь Александров и Володя Архипов были выпускниками лесотехнической академии. Саша Пешкичев простой рабочий. Все хорошо играли на гитаре, пели, любили Пушкина, исполняли песни на его стихи («Жил на свете рыцарь бедный...», «Дорожные жалобы» и т. д.). Я поделился с ними своими планами. В ответ услышал: «Зря ты это затеял. Кто ты сейчас такой? Простой рабочий. Твоя махновщина никого не колышет. А вот станешь студентом. Шило в мешке не утаишь. В наших ВУЗах полно стукачей. Хорошо, если после первого семестра просто выгонят из института, а может быть, что-то и похуже... Короче, бросай ты свои затеи. Иди к нам, в лесу из тебя вся блажь выветрится. И то сказать, не сможешь ты быть учителем литературы, тем паче, истории. Об институте вообще речь идти не может. С твоими взглядами и твоим характером лучше быть от официоза подальше».

Так я стал лесостроителем, рубил просеки. Ставил квартальные столбы. Мок под дождем, спал в палатке, слушал песни. Когда ребята в конце сезона уехали, хотел снова идти на завод, но судьба повернула события по-другому.

Приехал друг детства. Он работал в топографической экспедиции и собирался учиться в топографическом техникуме, точнее в его филиале. И так мы поехали с ним в Новосибирск и безо всяких экзаменов были зачислены на ускоренный курс топографов.

Мы называли наше заведение ликбезом. Нас, прошедших армию, бородачей не хотели смешивать с желторотыми юнцами, и мы учились отдельно, по отдельной сжатой программе целых две зимы. Летом, конечно, «работали в поле», простыми рабочими зарабатывая средства. Были в нашем заведении и девушки (фотограмметристки, вычислители, чертежницы), что делало наше ученье совсем даже нескучным.

Однако, какая к черту топография! Не затем я сюда ехал!

Главное, что дал мне Новосибирск - это общение с новыми людьми. Попадались очень интересные, пишущие стихи, имеющие свой взгляд на действительность.

Один из них, Михайличенко, или как он себя называл «Михайлишеску» - полурумын-полухохол (имени, к сожалению, не помню). Мы звали его Михай. Оказавшись в Сибири случайно, он долго в ней не задержался, но остался в моей памяти. Я считал его сложившимся поэтом. Он был старше и опытнее, в свое время, изгнан из института. От нас его тоже «изгнали», точно не помню за что. Так вот, не в пример мне, он был изрядным поэтом-самоучкой. Состязание с ним меня очень подзадорило. Я написал несколько, довольно удачных, стихов.

Позже, уже работая в экспедиции, я познакомился с одним финном-ленинградцем, Володей Вайненом. Все звали его Вайнером, видимо для краткости. Соревнование с ним дало новый толчок моему творчеству. Был написан «Листопад».

Встречались, конечно, и другие хорошие ребята, пишущие и непишущие, всех не упомнишь. Пробовались мои опусы и в качестве текстов, например «Братья Витальеры».

Моя полевая эпопея закончилась также неожиданно, как и началась, по двум причинам. Во-первых, украли документы, но главное, стала прибалывать мама. Она по-прежнему жила на Мишихе с приехавшей из Тяжина бабушкой.

Восстановив паспорт, я вернулся в Анжерку. В Новосибирске делать было нечего, после случившегося я не мог работать по профессии.

Вернувшись в родные пенаты, я пошел работать на шахту, сначала горнорабочим, потом проходчиком. Стихи, конечно, писал, но не придавал этому особого значения, до тридцати лет не хранил даже записей...

Но, заложенное природой брало свое. Писал все больше, появились общие тетради с записями моих стихов.

В 1981 году я встретил девушку. Будучи уже довольно опытным человеком, увидел в ней надежного товарища, хорошую жену и мать, к тому же, человека не равнодушного к поэзии. Предложил

ей стать моей женой, получил согласие и вот уже тридцать с лишним лет мы вместе. Делим наши радости и невзгоды пополам. У нас дочь и сын, внучка и внук. Надеемся дожить до правнуков.

В 1984 году мы купили домик на Руднике, переехали. Я пошел работать на ДОФ, где, увы, заработал заболевание – пылевой бронхит.

Конечно же, никогда не бросал писать стихи. Напротив, с годами увлечение переросло в некую потребность. Мои тетрадки ходили по рукам... Читатели, выступив на профкоме рудоуправления, выхлопотали мне средства на издание первого сборника. Короче, директор дал добро, и я поехал с гарантийным письмом в Кемерово. Стоял 1993 год, время было смутное, но рот, подобным мне, уже не затыкали, хотя... В издательстве мне рекомендовали предоставить рецензию на мою писанину. Я, явившись в Союз писателей, был там нормально принят, и предоставлен на попечение опытному редактору, поэту Владимиру Ширяеву. Тот назвал меня талантливым и принялся за работу, если ему что-то не нравилось в моих стихах, он выбрасывал целыми кусками. В общем, получилось далеко не то, что я хотел. И все-таки он увидел свет, мой первый сборник «Плач по родной земле» (1993г.). Через два года под редакцией того же Ширяева В. вышел второй – «Человек на острове». Творчество мое было встречено неоднозначно. Кое-кто говорил, что это вообще не стихи, лубочная поэзия, бодяга, «лобовые» стихи.

Но однажды, совершенно случайно, я услышал разговор двух корифеев Кузбасской поэзии, говорили обо мне. И один из них, Валентин Махалов, сказал: «...есть очень сильные вещи». Я не бросился его благодарить (было бы глупо). Однако, после услышанного уже ни чуть не сомневался, да! Я - поэт!

Пусть меня хвалят или наоборот, это уже не имеет значения. Я с головой погрузился в работу. Вспоминал и переписывал заново старые стихи, писал новые.

Жизнь текла, выходили сборники «Человек на острове» (Кемерово, 1995 год), «Поиск истины» (Анжеро-Судженск, 2009 год), «Траектория жизни» (Анжеро-Судженск, 2005 год), «Перипетии бытия» (Анжеро-Судженск, 2009), «Земли Кузнецкой уголок» (Кемерово, 2011).

Это так сказать, настоящие сборники. Еще были самиздатовские. «Взгляд на трагедию» (2010 год) по рекомендации губернатора был передан в областную библиотеку им. В.Д. Федорова. Там же находится еще один мой подарок губернатору - сборник стихов «Земли Кузнецкой уголок».

За двадцать лет сотрудничества с местной газетой (во многом благодаря главному редактору «Нашего города» Альбине Александровне Калининой) было много публикаций на ее страницах.

Публикации в двух сборниках стихов местных поэтов «Станция Анжерская» и «Станция Анжерская-2».

За годы творчества было много выступлений перед любителями поэзии удачных и не очень. Но все они были полезны. К сожалению, близкие отношения с профессиональными литераторами не сложились, за исключением, пожалуй, с Александром Катковым. В городской литературной студии имени Василия Федорова тоже...

В свое время, через Сергея Побоккина, председателя городской литературной студии, мне передали удостоверение члена Союза писателей Кузбасса. И на том, спасибо...

...И все-таки я есть, я мыслю, я пишу, и, значит, появлялся не напрасно, ведь кому то мое творчество приносит радость.

И еще! Описывая, пусть кратко, свою жизнь, я просто не имею права не коснуться очень важного аспекта: мы все пережили очень не простое время.

Но, как говорится, нет худа без добра. «Лихие девяностые» и последовавшие за ними «нулевые» дали новый, очень мощный толчок моему творчеству. При прежнем строе, в силу многих обстоятельств, я был таким, как все. Перестройка, гласность, конечно, повлияли на мое отношение к окружающему, однако, не так сильно, как постгорбачевская эпоха.

Совпали по времени два события: выход моего первого сборника и болезнь. Получив профзаболевание, я не мог работать по специальности. А быть дворником не позволяла гордость, навыки геодезиста за 15 лет я, увы, утратил.

Меня и мою семью спасли коровы. Да, коровы... Когда я ушел на регресс, а он был мизерный, у меня было две дойных, пусть не очень хороших, коровенки. И самодельный трактор, этакая рабочая лошадка, мог везти около тонны груза. Еще, конечно, сыграла роль, заложенная в генах, тяга к крестьянскому труду, а также навыки, полученные в детстве и в юности. В общем, я стал, нет, не фермером, скорей крестьянином, даже не средней руки.

Занимался исключительно молочным животноводством. Один год было даже три дойных коровы. А это, уж поверьте мне на слово, очень даже нелегкий хлеб. «Перезимков» я оставлял очень редко, накосить столько сена было мне не по силам. Покос, если его можно назвать таковым, был очень

плохим, неудобцы, кочки, коряги, камыш, косогоры, плохая трава. Спасибо тракторишке. Без него я бы не вытянул свою лямку. Во-первых, на нем я стрелевал и вывез лес, из которого срубил две стайки. Во-вторых, возил сено, накошенное в разных местах... И вообще, несмотря на то, что я с ним намаялся (частые поломки), когда пришлось его продать, очень жалел. Но, продал я его, когда нужда в двух, тем более в трех коровах отпала.

Дети выросли, дочь закончила институт, вышла замуж, появились внуки. Сын пошел работать, закончив ПТУ. Мне была начислена пенсия.

За публикации в местной газете я стал получать, пусть небольшой, гонорар. Иногда удавалось реализовать свои сборники.

Несмотря на бесконечные хлопоты - хозяйство, скотина, огород и т.п. - я никогда не забывал о главном. О поэзии. Она меня все сильнее притягивала. И стала смыслом существования...

Кстати, фраза «Землю попашет, попишет стихи», кроме снисходительной улыбки у меня еще вызывает крепкое словцо. Пусть бы сам, сказавший эти слова, попробовал...

Ну, Бог с ним... Самое трудное, как я считаю, у меня позади...Осталось привести в порядок написанное, а его у меня ого-го...То, что есть в сборниках и в газетах - всего лишь макушка, видимая часть айсберга. Лежащее в чемоданах, «пошло на пуды» - шучу. Но в этой шутке есть доля правды.

Я, конечно, не надеюсь все опубликовать. И все-таки было бы жалко, вот так взять и бросить. Ведь в этих, пусть порой неказистых строчках весь я - моя душа. А она, как известно, бессмертна...

Меня неоднократно упрекали товарищи по перу и некоторые читатели за то, что я слишком много внимания уделяю политике: возмущаюсь, обличаю, сетую. Говорят, надо быть терпимей. Но уж такой я человек, не могу молчать, когда вижу вокруг несправедливость, подлость, лицемерие, хамство! Мне говорят: «Чего ты хочешь? Ругал всячески коммунистов, теперь вот взялся за демократов. За кого ты, Геннадий Горюнов?».

Отвечаю: «Я против зла, в какие цвета оно бы не красилось. Я это доказал своим творчеством». Да, пусть я оказался между этими и теми, как между молотом и наковальней. Но от принципов своих не отступлю, не зря еще в юности меня называли «махновцем». Но я не «махновец». Я создал свою модель мироздания, и отражаю, как могу ее в своих стихах! Если кому то не нравится - пусть не читает. Перефразирую классика «Я не доллар, чтобы всем нравится!».

Ну и очень кратко о ВЕРЕ. Да, я хотел бы быть настоящим христианином, но пока, увы...

И конечно, о вредных привычках. Я с ними борюсь. Борьба идет с переменным успехом.

С тем и закончу. Геннадий Горюнов - «самопальный поэт от сохи».

2012 год.

Отдельные публикации:

1. Горюнов, Г. Взгляд на трагедию. Избранное / Геннадий Михайлович Горюнов. - Анжеро-Судженск : Центральная городская библиотека, 2010. - 38 с.
2. Горюнов, Г. Земли Кузнецкой уголок... :стихи / Геннадий Михайлович Горюнов. - Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. - 152 с.
3. Горюнов, Г. Перипетии бытия / Геннадий Горюнов. - Анжеро-Судженск : [без издательства], 2009. - 120 с.
4. Горюнов, Г. Поиск истины / Геннадий Горюнов. - Анжеро-Судженск : Редакция газеты «Наш город», 1999. - 88 с.
5. Горюнов, Г. Плач по родной земле : стихи / Геннадий Горюнов. - Кемерово : Сибирский родник, 1993. - 96 с.
6. Горюнов, Г. Траектория жизни : стихи / Геннадий Горюнов. - Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. - 72 с.
7. Горюнов, Г. Центр мироздания : стихи / Геннадий Горюнов. - Анжеро-Судженск : Редакция газеты «Наш город», 2007. - 45 с.
8. Горюнов, Г. Человек на острове : стихи / Геннадий Горюнов. - Кемерово : Сибирский родник, 1995. - 76 с.

Публикации в сборниках:

9. Горюнов, Г. Анжероград - столица государства. Кижы / Геннадий Горюнов // Станция Анжерская : стихи / ред. С. Побокин. - Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. - С. 70-73.
10. Горюнов, Г. Кузбасс. Центр мироздания. Шахтерам 2004 года. Точка зрения / Геннадий Горюнов // Станция Анжерская -2 : стихи / ред. С. Побокин. - Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. - С. 23-27.

Публикации об авторе:

1. «Висит печали тихой тень» : [краткая биографии, подборка стихов, фотография Г.Горюнова.] // Наш город.-1998.-19 сентября.
2. Горюнов, Г. «Житие мое...» : автобиография [Электронный ресурс] / Геннадий Горюнов // Анжеро-Судженск : годы, судьбы, времена [Электронный ресурс] . - Загл. с экрана. - Данные соответствуют 2012 г.
3. Иванова, А. «Землю попашет, попишет стихи...» / А. Иванова // Мы и культура. - 2008. - октябрь. - С. 2. - (приложение к газете «Наш город»; вып. 14).
4. Казенных, Т. «Несешь ты живительный свет» / Т. Казенных // Наш город. - 2000. - 4 апреля (№52). - С. 3.
5. Кривенкова, В. Попутного ветра... / Вера Кривенкова // Наш город. - 2009. - 18 сентября (№148). - С. 3.
6. Кривенкова, В. «Цветами пусть земля пестрит...» / Вера Кривенкова // Наш город. - 2005. - 2 апреля (№53). - С.3.
7. О новом сборнике стихов «Траектория жизни».
8. «Перепетии бытия» // Наш город. - 2009. - 14 апреля (№59). - С. 3.
9. О новом сборнике стихов Г. Горюнова. «Перепетии бытия».
10. Федоринов, С. Поэтическая осень / Сергей Федоринов // РИО. - 2008. - 9 октября (№41). - С. 7.
11. Перекрест, Н.М. Геннадий Горюнов / Нина Михайловна Перекрест // Анжеро-Судженск литературный : сборник материалов. - Анжеро-Судженск : без издательства, 2003. – С. 12-17.
12. Прянишникова, Т. «Дай грешнику песню допеть» / Татьяна Прянишникова // Наш город. - 1999. - 30 июня (№100). - С. 4.
13. Осенние этюды // Наш город. - 2003. - 20 сентября (№149). - С. 3.
14. Краткая биографическая справка о Г. Горюнове.

Видеоиздания об авторе:

15. Поэт Геннадий Горюнов [Видеозапись]. - Анжеро-Судженск : видеостудия «Ракурс», 2008.